

Вне основного сюжета

В унылые годы заточения Хунси не раз вспоминал их первую встречу — тот день, когда он впервые увидел прославленного на всю Поднебесную Восьмого добродетельного принца.

В тот день Хунси пробирался глухими тропинками ко Дворцу Возвращения Благодати. Случайный взгляд выхватил среди деревьев одинокую фигуру. Обычное шелковое платье абрикосового цвета, полагавшееся принцам крови по уставу, сидело на этом человеке так, словно он был небожителем, покинувшим бrenную землю. Он стоял неподвижно под сенью векового дерева, заложив руки за спину, и казался зыбким призраком, готовым вот-вот растаять в лучах полуденного солнца. Он невольно засмотрелся.

Очарование рассеялось лишь тогда, когда в тишине сада раздался звонкий, нетерпеливый мальчишеский голос:

— Восьмой дядя!..

Хунси очнулся. Иньсы обернулся навстречу бегущему юноше и ласково улыбнулся. От этой улыбки у него на мгновение перехватило дыхание, но наваждение длилось лишь миг. Бегущего мальчишку он узнал сразу — это был Хунши, третий сын Четвертого дяди. Поговаривали, этот упрямец не раз ссорился со своим строгим отцом из-за Восьмого принца. Глядя на них теперь, он охотно верил слухам.

Повернувшись, Хунси бесшумно пошел прочь, заложив руки за спину. Лишь тогда он осознал: этим человеком был Великий князь Лянь первого ранга.

Когда Хунси впервые решился расспросить отца о Восьмом дяде, бывший наследный принц внимательно посмотрел на него и грустно усмехнулся:

— Хунси, ты ведь виделся с Иньсы? У этого человека душа рвется к облакам, да судьба тонка, как бумага. Он наделен ослепительным талантом, способным сотворить собственную вселенную, но до безумия упрям. Он вцепился в одну-единственную цель и будет держать ее до самого конца, сокрушаясь в безнадежности. И именно эта аура обреченности, окутывающая его, манит к нему людей. Они летят на этот губительный свет, точно ночные бабочки в пламя костра, прекрасно понимая, что сгорят дотла, — но летят добровольно.

Отец, освещенный неверным пламенем свечи, в тот вечер казался удивительно спокойным. В его голосе сквозили и восхищение, и жалость, но за ними пряталось нечто темное, предвещающее беду.

На утренних аудиенциях во дворце Хунси ловил себя на том, что он то и дело искал в толпе чиновников стройную фигуру Восьмого дяди. Но тот больше ни разу не улыбнулся так, как в их первую встречу. От этого на душе становилось тоскливо, а в груди щемило от неясной, глухой горечи.

Впрочем, раздумывать над этим было некогда. Выходки отца становились все более безрассудными, и Хунси то и дело приходилось замечать следы, пытаясь предотвратить неизбежную катастрофу. Он лишь благодарил небо, что отец пока не совершил непоправимого, а августейший дед, видя его старания, относился к внуку с тихой грустью и жалостью.

Годы брали свое, император Канси заметно дряхлел, и борьба за трон превратилась в кровавую бойню. Почти каждый день двор содрогался от новых казней и опал, принося в жертву очередных сановников. Противостояние сторонников Четвертого и Восьмого принцев вышло наружу.

В один из таких дней Хунши, едва покинув стены Императорской школы, проигнорировал дорогу к родному дому и напрямик направился к поместью Великого князя Ляня первого ранга. Слуги, семенившие за ним следом, пытались было предостеречь молодого господина, но, глядя на его напряженную спину, лишь безмолвно глотали слова.

Хунши соскочил с коня, небрежно бросив поводья подбежавшему конюху, и уже собирался войти в ворота, как вдруг за спиной раздался знакомый голос:

— О, Хунши!

Юноша обернулся, собираясь склониться в чинном поклоне, но Инь-э крепко ухватил его за плечо, не дав опуститься на колени.

— Девятый дядя, Десятый дядя... — только и вымолвил Хунши.

Иньтан легонько похлопал его веером по плечу:

— К Восьмому брату спешишь? Его сегодня долго не будет, дела во дворце. Пойдем-ка лучше с нами, выпьем хорошего вина.

Глядя на хитрую, лисью улыбку Иньтана, Хунши понял, что отказаться не удастся. Ему пришлось последовать за дядями в один из лучших ресторанов столицы, принадлежавших Иньтану. Стол ломился от изысканных яств, но юноша не притронулся к еде, лишь молча осушал чашу за чашей. Инь-э несколько раз порывался отобрать у него кувшин, но Иньтан мягко останавливал его покачиванием головы, и Десятый принц лишь раздосадованно махал рукой.

На душе у Хунши скребли кошки. Он безмерно уважал отца, но Восьмого дядю любил отчаянно. Ему хотелось, чтобы оба они были счастливы, он не раз пытался отдалиться от Иньсы, но сердце не слушалось разума. Слишком давно вся его жизнь сосредоточилась на этом внешне холодном человеке, и вырвать это чувство из груди было уже невозможно.

Когда Иньсы наконец отворил дверь кабинета, он увидел лишь Хунши, который спал,

уткнувшись лицом в стол и крепко прижимая к себе пустой глиняный кувшин. Заперев за собой дверь, Иньсы подошел ближе. Из-под стола донеслось тихое, жалобное всхлипывание. Наклонившись, он расслышал едва различимый шепот:

— Восьмой дядя... Дядя...

В груди Иньсы что-то болезненно оборвалось.

Он осторожно высвободил кувшин из пальцев юноши. Почувствовав пустоту, Хунши недовольно заворчал, приоткрыл затуманенные хмелем глаза и, увидев Иньсы, мгновенно просиял.

— Дядя!.. — вскрикнул он и попытался подняться, но колени подогнулись, и он едва не рухнул на пол. Иньсы, предвидевший это, вовремя подхватил его, прижав к себе.

Вдохнув густой винный перегар, исходивший от племянника, Иньсы огляделся по сторонам, собираясь призвать к ответу младших братьев, но обнаружил, что комната пуста — эти двое успели незаметно ускользнуть. Тихо вздохнув, он погладил Хунши по спине и мягко спросил:

— Давай я помогу тебе добраться до дома, глупый ты мальчишка?

Юноша лишь крепче обнял его за шею и упрямо буркнул в плечо:

— Не пойду!

— Ну же, Хунши, будь хорошим... — уговаривал его Иньсы, гадая, сколько же вина ему налили эти двое сорванцов.

В качающемся мареве ночи по столичной улице неслась карета.

— Девятый брат, — с тревогой спросил Инь-э, приобнимая брата за плечи. — Хунши так сильно напился... Как думаешь, Восьмой брат не рассердится на нас?

Иньтан прислонился к его плечу. В его негромком голосе сквозила бесприютная тоска:

— Десятый... Если не раскрыть карты сейчас, когда время на исходе, потом останется лишь горько раскаиваться.

Инь-э долго молчал. Лишь когда повозка мерно закачалась на очередном повороте и Иньтан начал засыпать, он тихо ответил:

— Если признаться во всем, то уходить будет не так больно... И все равно будет жаль.

Он уткнулся лицом в шею брата, слишком сильно сжав пальцы.

Иньтан легонько похлопал его по спине. Он чувствовал глухую муку. Они увидели все чудеса этого мира, они боролись до последнего вздоха, и до этого момента ему казалось, что он ни о чем не жалеет. Но теперь... теперь он жалел лишь о том, что втянул Инь-э в эту проклятую битву за престол. Жалел, что не сумел его уберечь.

Когда наследного принца низложили во второй раз, в стане сторонников Восьмого принца никто не праздновал победу. Напротив, Четвертый принц вцепился в них мертвой хваткой; Девятый досадовал, что за каждым его шагом следят соглядатаи, Десятый злился из-за мрачного настроения брата, а сам Восьмой принц тосковал по Хунши, которого грозный отец запер под домашний арест. Жизнь казалась пресной и безрадостной.

Сам Четвертый принц тоже изнывал от глухой тоски. Заветная мечта всей его жизни была близка как никогда, но победа принесла лишь горькую пустоту: он понял, что его собственный сын отдал преданность и душу злейшему врагу. Предательство самого близкого человека ранило сильнее любого клинка. Такую обиду было невозможно стерпеть.

В Обители принцев Хунси сжимал в ладони драконий кулон, с которым Иньжэн никогда не расставался. Он смотрел мрачно, как грозное облако.

— Повтори еще раз, — негромко приказал он гвардейцу. Голос его дышал ледяным холодом северных степей.

Стоявший на коленях воин застыл, не смея поднять головы:

— Покойный господин велел передать, чтобы вы носили эту яшму на поясе и ни в коем случае не снимали её после восшествия на престол нового императора.

Хунси молча махнул рукой, и гвардеец, поклонившись, бесшумно растаял в темноте.

Молодой человек откинулся на спинку стула, до белизны в костяшках сжимая прохладный нефрит.

«Отец, неужели это единственное спасение, которое ты нам оставил?»

Хотя Хунси занимал лишь незначительную, скромную должность, долг обязывал его ежедневно присутствовать на аудиенциях. Заметив, что Иньсы в последнее время ходит чернее тучи, он решил, что тот переживает из-за проигранной борьбы за престол. Не выдержав, после очередного собрания Хунси нагнал его и тихо окликнул:

— Восьмой дядя.

Иньсы, Иньтан и Инь-э удивленно обернулись. Они не ожидали, что всегда державшийся в стороне Хунси заговорит с ними. Восьмой принц привычно, мягко улыбнулся и кивнул:

— Хунси.

Услышав свое имя, произнесенное этим ровным, лишенным тепла голосом, Хунси почувствовал укол застарелой обиды, но он остался бесстрастным. Он привычно и дерзко усмехнулся:

— Восьмой дядя, вчера я перечитывал старые дневники отца. Наткнулся на странную строчку: «Рожденный в бескрайних небесах мотылек — отчего же он летит в пламя свечи, отрекаясь от свободы под куполом облаков?» Отец так и не записал ответа, и я сам бьюсь над этой загадкой. Быть может, вы знаете, в чем причина?

Братья на мгновение окаменели. Инь-э непроизвольно сжал кулаки, Иньтан горько и насмешливо усмехнулся. Иньсы долго молчал, прежде чем негромко вздохнуть:

— Должно быть, безумная одержимость со временем становится проклятием.

Хунси лишь печально улыбнулся. Иньсы вежливо кивнул ему и ушел, увлекая за собой Иньтана и Инь-э. Глядя им вслед, Хунси чувствовал, как в его груди разрастается звенящая пустота.

Новый император взошел на престол. Сторонники Четвертого принца праздновали триумф, а сторонников Восьмого ждала неминуемая расплата.

К семье низложенного наследника император Юнчжэн проявлял подчеркнутое великодушие. После кончины Иньжэна правитель то и дело призывал Хунси пред свои очи. Встречи становились все более частыми, по дворцу поползли грязные слухи. Поняв, к чему все идет, Хунси перед очередной вечерней аудиенцией демонстративно повесил на пояс отцовскую яшму.

Склонившись в поклоне, Хунси заметил, как Юнчжэн мгновенно уставился на его пояс. Сердце Хунси пропустило удар: догадка подтвердилась. Острая обида вперемешку с горькой тоской обожгла душу, но он заставил себя остаться невозмутимым, сохраняя на лице маску глубочайшего почтения. Император действительно забрал у него этот драконий кулон. Он долго, бережно гладил пальцами резную яшму, словно ладонью касался ушедшего человека, а после глухо велел племяннику уйти.

Выйдя из Зала Взращивания Сердца, Хунси облегченно вздохнул. В тот вечер он наконец понял, почему его отец ушел из жизни так рано. Но что он мог сделать теперь? У него не было сил ни отомстить, ни восстановить справедливость. Раз уж покойный отец больше всего на свете желал, чтобы его дети просто жили в покое, пусть эта тайна уйдет в могилу вместе с ним.

Но там, в тени дворцовых переходов, кто-то внимательно провожал его взглядом.

Вскоре Хунши был исключен из императорского рода и отдан на воспитание Великому князю Ляню первого ранга. Однако они оба словно и не заметили этого удара судьбы, выказывая друг другу искреннюю, теплую привязанность, какая бывает лишь у истинных отца и сына.

Инь-э часто сокрушался, глядя на них, но Иньтан относился к этому проще:

— Пир во время чумы, — усмехался он. — Почему бы не прожить остаток дней так, как просит израненное сердце?

Но когда страсть переходит все границы, она неизбежно становится проклятием.

Иньсы закончил свои дни в глухом заточении. Хунши помог Хунвану устроить скромные похороны, а после, послушный безмолвному приказу Юнчжэна, оборвал свою жизнь, уйдя вслед за тем, кого любил больше света.

Иньсы надеялся, что его смерть подарит Хунши шанс на спокойную жизнь. Он не знал, что юноша отстал от него лишь на шаг. Хунши без страха встретил кончину, так и не узнав, что его близкий друг детства, некогда восставший против воли собственного отца ради его спасения, теперь тоже томится в безвестном заточении, запертый в четырех стенах сырого двора.

Иньтан сгинул в безвестности, и никто ныне не сможет указать место, где покоится его прах. Инь-э, верный его последней воле, сломал в себе гордость принца крови и склонил голову перед Юнчжэном — лишь ради того, чтобы исполнить его единственную просьбу: «Живи. Чего бы это ни стоило, просто живи».

Император Юнчжэн скончался прямо на троне. Перед самой смертью он долго харкал кровью, но в последние мгновения слабеющими пальцами залез за пазуху, до боли сжав драконий кулон Иньжэна. Он так и не узнал, что сам Иньжэн, умирая в холодном заточении, мертвой хваткой сжимал костяное кольцо для стрельбы из лука, которое когда-то давно собственноручно вырезал для него император Канси.

Спустя годы Хунси навеки закрыл глаза в своем уединенном дворике, и на его губах застыла легкая улыбка избавления. Он так и не узнал, что нынешний владыка Поднебесной, принимая из рук умирающего Юнчжэна тайный указ о престолонаследии, горько плакал, омывая слезами священные свитки.

«О, поведай, что есть любовь, если ради нее и жизнь, и смерть приносят в жертву?»